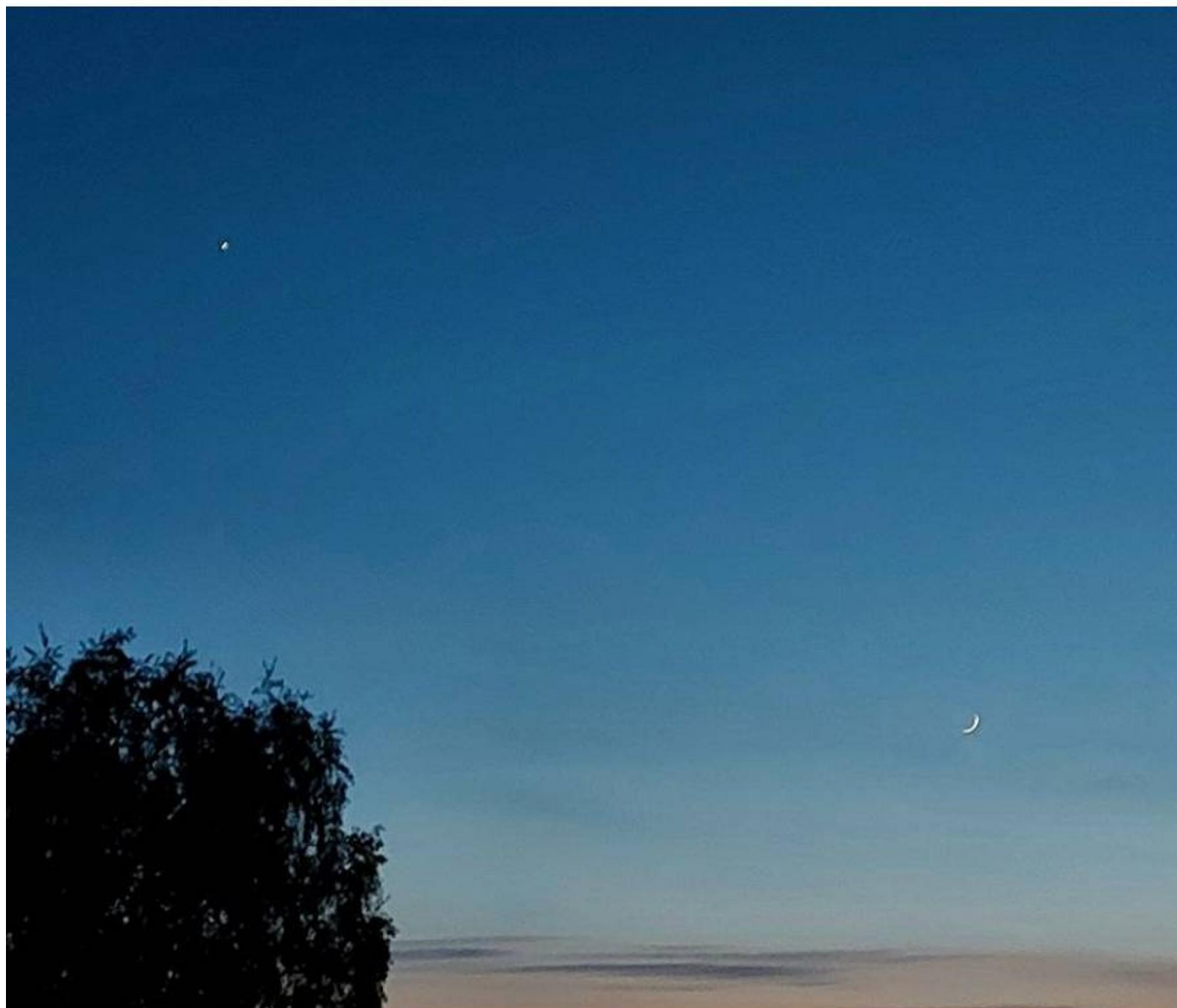

Арт Странник

**Сновидцы малых городов.
Прибытие**

Арт Странник

**Сновидцы малых
городов. Прибытие**

«Автор»

2026

Странник А.

Сновидцы малых городов. Прибытие / А. Странник — «Автор», 2026

Если вам выпадет шанс начать новую жизнь — вы им воспользуетесь? Этим вопросом задается Саша Пешков, днем неудачливый писатель с разбитым сердцем, а ночью путешественник между мирами и сновидениями других людей. В одном из этих сновидений ему делают предложение: переехать из Москвы в провинцию и вступить в орден сновидцев, хранящих покой и безопасность его жителей. Саша хватается за эту возможность и отправляется в город на границе миров, чтобы стать учеником одного из лучших магических детективов мира и найти друзей среди таких же чудаков, как и он сам.

© Странник А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Акт I. Сновидец	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арт Странник

Сновидцы малых городов. Прибытие

Акт I. Сновидец

Его звали Саша Пешков.

Вам это имя, скорее всего, ничего не скажет — и я не могу вас за это судить. Еще недавно сам Саша считал себя обычным и даже заурядным человеком.

Нельзя, конечно, сказать, что природа совсем обидела его талантами. Вот, правда, талант у Саши был странным: он видел необычные, пугающе яркие сны.

Он спал и видел неизвестные вам миры. Он бродил по крепостным стенам, залитым золотом осеннего солнца, и по улицам города, который парил среди облаков, и мимо стеклянных фасадов, отразивших созвездия других миров.

Но чаще всего Саша видел небольшой городок, тонущий в зелени. Он ходил по его тихим улочкам, и чувствовал, как в лицо дует ветер летнего вечера. Он разглядывал светлые тени ветвей, пляшущие на светлых фасадах старых домов. Он поднимался по скрипучим деревянным ступеням и заходил в тесную и теплую кофейню, где пахло книжными чернилами.

Иногда он встречал среди постояльцев знакомые лица, и они обменивались кивками и улыбками, и бариста говорила ему: «Вам как всегда?».

С другой стороны — и что с того? Много кому снятся яркие сны.

В случае с Сашей они стали скорее гирей на ноге — ведь утром всегда звонил будильник, и вынуждал его вернуться в серую, прямоугольную реальность. Спать целыми днями Саша не мог, но он нашел выход: спрятаться от жизни в фантазиях, своих и чужих.

Книги про подростков-волшебников и героев, спасающих принцесс. Буколический рок примерно про то же самое. Фильмы про неудачников, которые внезапно открывают в себе талант избранного.

Первые двадцать пять лет жизни Саша смотрел на мир тоже как бы сквозь линзы кинокамеры, которые окрашивали реальность в сказочные цвета и отрезали путаницу повседневности. Долгими ночами, когда к нему не шел сон, Антон мечтал, как в один день его несуразная жизнь сложится в цельный пазл, и он наконец-то отыщет свой путь.

А еще он мечтал увидеть миры из своих снов наяву. Конечно, своим мечтами Саша ни с кем не делился: не хватало еще, чтобы приняли за сумасшедшего, — но где-то на доньшке души у него теплилась вера в то, что его места были не просто плодом воображения.

Проблема была в том, что найти эти места или хотя бы доказать их существования Саша никак не мог, — а потому продолжал смиренно плестись по обочине неинтересной ему жизни. Друзья и сверстники Саши проносились мимо, а он только вдыхал пыль из-под колес, и дремал на ходу, и его дремы с каждым минувшим годом все больше походили на лихорадочный бред.

Эта история — о том, как Саша проснулся.

1

Все началось в снежный февральский день.

Москву в тот день заметало, как полузабытую платформу под Чеховым. Всю неделю не было ни единого луча света, и пурга не прекращалась даже на час. Ноги прохожих путались и скользили в снежной каше, и колеса машин вхолостую месили ее, словно весла, гребущие против бурной реки, и огоньки города почти не пробивались сквозь серую пелену, и в душе Саши тоже царил промозглый, серый февраль.

Он сидел в рабочей столовой, помешивая ложкой в гороховом супе, и наблюдал за тем, как группа рабочих в оранжевом пытается раскопать подъезд к зданию редакции. Вокруг гово-

рили приглушенные голоса и звенели вилки с ложками и ножами, но Саша не слышал их: из ушей его торчали беспроводные наушники — и мыслями он был далеко.

К примеру, он думал о том, что его скоро уволят. К этому явно все шло. И может быть, отчасти Саша хотел, чтобы к этому все и пришло.

Его всегда удивляли коллеги, которые по-настоящему горели своей работой. Он слушал, как они обсуждают громкую кинопремьеру или свежий альбом поп-звезды или связанный с ней последний скандал — и понимал, что не может разделить их энтузиазма.

Саша пришел работать в эту редакцию, потому что хотел писать о музыке и книгах — единственных вещах, которые хоть как-то интересовали его в этой жизни. Прошла пара лет, и он незаметно для самого себя скатился к написанию заметок из светской хроники и перепечатыванию пресс-релизов для сайта.

Стажер, которого взяли на работу заодно с ним, — долговязый неразговорчивый парень, который хлебал чай литрами и получал тонну правок на каждый текст, давно стал вторым редактором в отделе, а вот карьерный путь Саши, на которого поначалу возлагали все надежды, незаметно для него завернула в тупик.

2

И дело ведь было не в одной только работе. Мало ли тех, у кого с работой не ладится? В конце концов, мы живем не только на работе.

Но с личной жизнью, признал Саша, у него дела обстояли еще хуже: она почти полностью существовала лишь в его воображении.

Привычка мечтать и тут сыграла с ним злую, но в чем-то даже смешную шутку. Вместо того, чтобы заводить отношения, Саша их придумывал.

Стоило девушке, вставшей рядом на светофоре или севшей напротив в метро, хотя бы взглянуть мельком в его сторону, как Саша уже представлял себе их счастливую совместную жизнь. Первый разговор, первый поход в кино или на концерт, первый поцелуй ну и это там, шуры-муры всякие.

Так или иначе, дальше фантазий дело не заходило. Когда Саша возвращался в реальный мир, то обнаруживал, что девушки уже след простыл, а он заснул с раскрытым ртом, из которого на воротник течет паутина слюны.

Была, правда, на первом году работы одна коллега, с которой Саше удалось наладить контакт. Нельзя даже сказать, чтобы она его сильно привлекала, — по крайней мере, внешне она была не совсем его типаж — но это не помешало ему несколько недель подряд провести в лихорадочных мечтах о том, как он будет строить с ней совместную жизнь.

Они даже сходили на одно свидание? Провели пару часов, гуляя по осенней Москве, болтали о самых разных вещах. Кажется, даже с интересом: по крайней мере, Саша прочитал ей целую лекцию о любимых фэнтези-романах.

Закончилось всё в супермаркете, куда они зашли за газировкой. Здесь девушка (кажется, ее звали Лизой?), продираясь сквозь меню на кассе самообслуживания, наткнулась на предложение «Поможем малоимущим детям!» и набор опций: 50 рублей, 100 рублей, 200 рублей, 300 рублей.

Девушка предложила ему пожертвовать по пятьдесят рублей, — и надо было Саше ляпнуть:

— Зачем?

Лицо девушки передернулось и она сказала:

— Чтобы помочь бедным детям.

— А почему тогда сам магазин не жертвует? Мы уже платим за газировку.

— Но ведь — пару секунд Лиза искала аргумент. — Но ведь магазину нужны деньги зарабатывать.

— Ну, мне тоже. Жизнь не бесплатная.

После этого они больше на свидания не ходили. С тех пор, когда они случайно пересекались в офисе, Саша притворялся, что не узнает ее. Когда она уволилась, он только вздохнул с облегчением.

Вспомнив это, Саша скривился и, чтобы не взвыть на всю столовую, набил рот остывшими макаронами.

Впрочем, это еще ничего. Хуже всего у Саши дело обстояло с друзьями. Дело в том, что с декабря прошлого года у него не осталось друзей.

3

— Вижу, тебе это не дает покоя.

— Не дает покоя Пфф, — фыркает Саша. Он бросает на стол мятую обертку шоколадного батончика.

— Интересно, как вы додумались?

Его собеседницу не смущает выпад.

— Ты хочешь об этом рассказать?

Саша уверен, что где-то ее видел. Саша мог бы в этом поклясться. Большие карие глаза и каштановые волосы, подстриженные у шеи. Восточные черты лица. Висящее на плечах длинное бежевое пальто и непонятный холод, сквозящий в чертах ее лица.

— Не уверен.

Он хватает с блюда пакетик сахара и пробует раскрыть его непослушными пальцами.

— Давай помогу, — предлагает его собеседница.

— Спасибо, я сам, — говорит Саша. Где-то он точно ее видел.

Его пальцы все никак не могут разделаться с фантиком, и он с досадой хлопает ладонью по столешнице. Собеседница протягивает раскрытую ладонь, и Саша неохотно вкладывает в нее фантик.

— Эти упаковки дурацкие стали

Женщина разворачивает пакетик одним быстрым движением и бросает кубик в чашку Саши. Тот сокрушенно вздыхает.

— Не обращай внимания, — говорит собеседница. — Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Саша смотрит на бежевые обои кофейни, залитые солнцем, и на тени ветвей, мерцающие на стене.

— О чем, например? — спрашивает он.

— О своей повести.

4

Творчество Саши было в последние полгода одним-единственным светлым пятном на ткани его жизни. По крайней мере, так он считал.

Сочинять истории Саша начал еще в детстве. Сначала он записывал свои сны в свободную школьную тетрадь, чтобы сохранить их в памяти. Затем ему стало скучно просто записывать сны, и он принялся придумывать, что бы такого могло произойти в этих снах. Обычные истории, которые могли прийти в голову школьнику: зловещие рассказы про козни темных магов и про героев, спасающих принцесс из высоких башен.

Однако стоило Саше показать свои истории родителям и друзьям (и как они только разобрали его почерк?) — и он услышал те самые роковые слова: «Слушай, а ты у нас настоящий писатель!».

Так Саша покатился по наклонной. Мечта стать выдающимся писателем захватила его разум, как энцефалит.

С десяти лет он всегда что-нибудь, да сочинял. У родителей Саши в кладовке до сих пор лежали коробки, набитые пожелтевшими тетрадями, которые он исписал и исчеркал мелким

почерком. Две дюжины рассказов, две законченные повести и три незавершенные, — а еще десятки неуклюжих стихотворений и полдюжины начатых и брошенных романов.

Почему он их бросил, Саша и сам уже не помнил. Впрочем, это не имело значения.

Правда была в том, что в один момент ему исполнилось восемнадцать, и он превратился из одаренного ребенка в студента-недоучку — и его сочинения перестали быть чем-то особенным. Сочиняешь стихи? Поздравляю, нас таких штук двадцать на твоём факультете.

Более того, творения Саши на фоне чужих произведений выглядели бедновато, честно говоря, они выглядели. Деревянные персонажи с деревянными репликами. Чугунные метафоры, перегруженные настолько, что проседали половицы, и сюжеты, которые ни грамма не походили на реальную жизнь.

И ладно бы кто-то высказал это ему напрямик. Беда была в том, что Саша встречал либо насмешки: «Тебя кто к клавиатуре пустил?» — либо смущенные, с отводом глаз в сторону, оправдания: «Слушай, ну это мне не нравится, а кому-то другому, может быть, понравится».

И если от первых Саша легко укрывался за ответными насмешками («Сейчас бы перед снобами оправдываться!»), то вот вторые его по-настоящему тревожили — ведь за такими округлыми формулировками обычно скрывают неприятную правду. И где-то курсе на третьем он открыл для себя эту правду: он перечитал распечатку своего последнего незаконченного романа — а затем вынес ее листы, скрепленные степлером, на пустырь за домом, обложил хворостом и сжег.

Прodelать то же самое с остальными сочинениями Саша не решился. Их он сложил в три коробки из-под бумаги для принтера и отвез их на квартиру родителей. Следующие пять лет он фантазировал только во снах.

5

— Вы не поверите, но я люблю сдаваться, — говорит Саша. — Никто не любит, а я люблю. Это одна из немногих вещей, которые мне и вправду по плечу.

Собеседница, похожая на японку, пропускает этот взрыв самоуничтожения мимо ушей.

— И что изменилось? — спрашивает она.

— В каком смысле изменилось?

Саша отхлебывает терпкий, горький кофе, и почти не чувствует привкус сахара. Неужели я забыл помешать, думает он и тянется за вторым кубиком.

— Почему ты вновь стал думать о творчестве? Почему ты стал думать о Бобби Гане?

Саша вздрагивает, и ему кажется, что чашка тоже трясется на блюдечке.

— Как вы это разузнали?

Блуждающая усмешка появляется на губах женщины.

— Расскажи свою часть, и я расскажу свою.

6

За недели до того, как Саша провел сам с собой аудиенцию в столовой модной московской редакции, к нему в голову постучался один из старых знакомых.

Знакомого звали Бобби Ган. Почему? Да потому что он жил в штате Мичиган.

Давным-давно, еще в старшей школе, у него была рифма: «Жил-был на свете бандит Бобби Ган — самый лучший стрелок на весь штат Мичиган». Кажется, она стала основой поэмы, в которой лихого бандита сражает еще более бравый шериф.

Неизвестно, откуда у него вообще возникла идея: может, Саша тогда впервые посмотрел вестерны с Клинтом Иствудом? Он даже не удосужился проверить по атласу, где находится штат Мичиган, — ведь если бы он это проверил, то понял бы, что северный штат, заполненный озерами, не очень подходит для вестерна.

Так или иначе, но спустя почти десять лет Бобби Ган постучался в голову Саши. Это произошло в один из долгих зимних вечеров, когда Саша стоял в вагоне метро, и его сжимали тела в толстых зимних куртках, и их владельцы скользили по нему взглядом транквилизован-

ных коров. Мозг пустовал, застиранный работой, и внутри черепной коробки Саша крутилась лишь песня, играющая в наушниках, — песня, которую он сначала заслушал, а затем забыл на дне плейлиста.

Сегодня она всплыла благодаря строчке, случайным образом пришедшей на ум Саше:
«Ты не стал невидимкой / Тебя попросту нет».

И стоило ему ее услышать, как строчка развернулась в образ: Бобби сидит в темной комнате, на тумбе проигрывателя вращается винил с той самой песней Shins, и Бобби слушает его вполуха — но глаза его прикованы к окну, за которым дрожат под дождем листья цветущего дуба, и думает он о том, что хотел бы сбежать.

Бобби сильно изменился за прошедшие годы. Из лихого бандита он превратился в пухловатого, замкнутого школьника, которого не понимали ни семья, ни одноклассники.

Саша вновь и вновь думал о грустном мальчике Бобби, пока сидел в полутемном офисе редакции и пялился на интерфейс редактора для верстки публикаций. Он вспоминал его, когда поднимался из метро среди лабиринта человекоников в спальном районе Москвы. Он думал о Бобби, короткая одинокие вечера на кухне и наблюдая за прогревом плова в микроволновке.

Саша говорил ему: «Я понимаю. Только куда ты можешь сбежать?».

И в один из этих вечеров Бобби ответил Саше: «Все равно, лишь бы подальше отсюда».

И Саша взялся придумывать место, куда мог бы отправиться Бобби. Он придумал Сафьяновый лес в холмах к северу от городка, где его герой жил с родителями и младшим братом. Поговаривали, что в этом лесу творились странное: дети рассказывали друг другу в школьных коридорах, как видели на опушке ведьм, и магов, и непонятных сказочных существ.

И Бобби знал, что все это вранье и бред: его дом находился на самом краю города, и он регулярно сбегал в Сафьяновый лес после ссор с родителями или пинков от школьных хулиганов. Бобби взбирался на вершину холма на лесной опушке, где кто-то смастерил из бревен скамейку, и часами наблюдал оттуда за текущей у подножия рекой. Он думал о том, как хотел бы уплыть по этой реке — неважно, куда. Главное, чтобы подальше отсюда.

И однажды, придя к опушке, Бобби столкнулся с одним из обитателей Сафьянова леса.

7

Несколько недель подряд Саша садился перед компьютером и не печатал ни строчки — только таращился в экран, не в силах поднести руки к клавиатуре.

Он мог, конечно, придумать какую-нибудь цепкую фразу в качестве заправки — но стоило этой фразе появиться на экране, как она тут же превращалась во что-то беспомощное и безжизненное, что-то на уровне: «Ночь была темная и ненастная».

И тут же Саша представлял, как один из его старых читателей, один из его бывших друзей читает его рукопись и смеется над всем подряд: над именем Бобби Гана, над манерой изложения, над сюжетом, в конце концов.

Честно говоря, Саше и самому было как-то неловко: ну что он в самом деле пишет про каких-то школьников в какой-то далекой Америке, про каких-то ведьм и заколдованные леса. Кому это вообще будет интересно?

Вот ты и докатился для книжек для детей, говорил себе Саша. Ему-то казалось, он станет серьезным писателем, напишет Великий Роман, который станет его большим высказыванием о жизни, обществе и всем таком прочем. Саша регулярно представлял себе, как у него, уже знаменитого, берут интервью, и он с притворной скромностью разъясняет ему, как он придумал ту самую знаменитую сцену и какой смысл вложил в очередную многозначительную реплику персонажа.

Он точно знал, что про приключения Бобби Гана ему таких вопросов задавать не будут. И в клуб серьезных писателей его с таким материалом никто не пустит.

8

— И в этом все дело?

Саша стучает ложкой о фаянс блюдечка. Издаёт раздраженный вздох. Смотрит в сторону витрины, где бариста с цветными волосами заливает сливки в чашку круговыми движениями. Смотрит на столик у окна, где двое седовласых мужчин думают, сложив руки, над шахматной доской. Саша чешет макушку, на которой уже зарождается первая проплешина.

— Я бы предпочел оставить эту тему.

Его собеседница смотрит куда-то поверх головы Саши, и он знает, что в этот момент компьютер в ее голове производит тысячу вычислений, перемещает гигабайты данных, анализирует сотни возможных исходов. Затем она возвращается к Саше и говорит:

— Хорошо, — говорит она. — Мы можем поговорить об этом потом. Скажи только, почему ты все-таки сел за эту повесть?

— Я же сказал, — говорит Саша. — Я люблю сдаваться.

9

И он сдался.

В день февральского снегопада, завалившего Москву и все ее окрестности, Саша встал из стола, оставив недоеденными макароны, и прошел, не разбирая дороги, сквозь переполненную столовую. Вокруг галдели, жевали, двигали стулья, пара человек сидела, уткнувшись в ноутбуки, подсоединенные к пауэрбанкам, и повара перекрикивались с кассирами за блестящими витринами. Для Саши все это слилось в звукоцветовую какофонию.

Он едва добрался до двери туалета, ввалился внутрь, запер дверь дрожащими пальцами. Саше казалось, он задыхается, голова кружилась. Он уперся ладонями в раковину, и взглянул на себя в зеркало.

Он увидел низкого, полноватого человека в круглых очках. Потный лоб и отступающую ото лба линию волос. Мокрую от пота рубашку и мешковатые брюки. Он увидел рассеянный взгляд человека, который не очень хорошо понимает эту жизнь.

Что-то всколыхнулось в его душе от этого зрелища, и он со всей дури хлопнул себя по щеке.

— Хватит! Хватит! — и после третьего удара Саша вцепился в раковину, чтобы не свалиться на пол. Он увидел, как на щеке у него расцветает красное пятно, и почувствовал, как ноют скулы, и это вернуло его к реальности.

Саша ощутил под ладонью капли воды на краях раковины, и услышал, как кто-то прохаживается снаружи. Он повернул ручку крана. Брызнул в лицо теплой шипящей водой и пробормотал своему отражению в зеркале:

— И кому ты такой нужен?

Кто-то забарабанил в дверь туалета и крикнул:

— Слышь, ты там до вечера собираешься сидеть?

Саша взглянул в сторону двери и увидел, как щель под дверью заслонила чья-то тень.

— Сейчас! — крикнул Саша в ответ.

Он вытер лицо бумажным полотенцем, потер щеку в тщетной попытке согнать красноту. Подумал: хоть бы не синяк — и открыл дверь. По ту сторону мялся с ноги на ногу бородатый мужик в толстовке — кажется, из раздела для автолюбителей.

— Ты там кабинку с рабочим местом перепутал, что ли? — спросил он.

Саша не ответил. Повесив голову, он добрал до своего столика, где уборщица в переднике кофейных оттенков забирала его макароны и чашку.

— Простите, — обратился к ней Саша. — Но я еще не доел.

Буфетчица, не глядя на него, сбросила оставшиеся макаронины в мусорное ведро, которое катила за собой, и бросила ему:

— Не надо тут сочинять. Здесь свою еду никто не оставляет.

— Ну конечно, — пробормотал Саша. — Как будто кто-то захочет украсть вашу еду

— Чего? — встрепелась буфетчица.

— Нет-нет, ничего

Саше осталось только собрать вещи и пойти к выходу. В животе его росла тянущая пустота. Он был почему-то уверен, что причина не только в голоде.

В полутемной редакции этажом ниже его уже ждал тот самый стажер, ставший начальником. Он сидел на рабочем месте Саши и хлебал чай из своей вечно покрытой разводами чашки.

— Я сяду? — спросил Саша.

— Не знаю, — ответил стажер-начальник. — Ты как-то не спешил вернуться.

— Но теперь я здесь. Я хочу работать.

Стажер-начальник соскочил со стола и сказал:

— Если еще раз так задержишься, можешь не приходиться.

В его черных, как уголь, глазах вдруг мелькнула искра усмешки, и он добавил:

— Придется тебе носить вещи, пожертвованные в супермаркете. Тогда, может быть, ты оценишь чужую щедрость.

Из полутьмы раздались несколько смешков, и Саша почувствовал, как кровь покидает его жилы, и он думал: они знали, они все это время знали и смеялись у меня за спиной.

А затем эту мысль перебил голос — ясный, спокойный голос, который задал простой вопрос: «И ты боишься критики *этих* людей?».

И вместо ответа в голове Саши зародились единственные слова, подходившие для его ситуации:

— Вам меня не уволить! Я уволюсь сам!

10

— Конечно, я ничего такого не сказал, — говорит Саша. — Но я об этом подумал!

Он отпивает кофе, снова морщится. Да что же такое, почему горечь, думает он и тянется за третьим кубиком сахара. Собеседница Саши не обращает внимания на его терзания.

— Расскажи, как продвигается работа, — говорит она.

— Над чем? — не понимает Саша.

— Над твоей рукописью.

— А, над рукописью

Саша неопределенно машет рукой.

— С ней все замечательно, — говорит он, сражаясь с упаковкой сахара. — Я каждый день над ней работаю. Уже расписал, что будет в первых главах. Только концовку никак не придумаю, но это Господи, да кто делает эти фантики?

Его собеседница молча кладет на стол мятую тетрадь. Саша замирает. Он знает эту тетрадь.

Девяносто шесть листов. Бледно-зеленая обложка. И стоит ему придвинуть тетрадь поближе, как он различает написанную наискосок синей ручкой фразу — ведь это он ее написал.

«Мы вернемся домой».

Заголовок книги, главный герой которой постучался к нему в голову несколько недель назад.

— Откуда у вас — начинает Саша и замолкает, потому что до него вдруг доходит, и его собеседница кивает с важным видом.

— Ты все правильно понял, — говорит она. — У меня нет этой рукописи. Но ее копия хранится у тебя в голове.

Перед изумленным взглядом Саши из чашки кофе всплывают два белоснежных кубика, так и не растворившиеся в гуще. Он цепляет один из них пальцами, пытается вытянуть, и кубик сам собой рассыпается в тонкую, сухую струйку.

— Где я сейчас? — спрашивает он, чувствуя, как у него пересыхает в горле.

— Ты спишь в своей московской квартире, — отвечает японка. — На твоих часах — два ночи. Снаружи бушует вьюга.

— Тогда что вот это?

— Кафе «Млечный путь» на улице города Новодремовск, — пояснила собеседница. — Точнее, его копия, оставшаяся в твоей памяти после старых визитов.

Саша смотрит в сторону прилавка и видит, что бариста исчезла, и кофемашина шипит вхолостую, выпуская пар из носика капучинатора. Шахматисты тоже пропали, оставив после себя пустую доску: порыв ветра из форточки сшибает одинокого ферзя. Солнце за окном больше не отбрасывает тени деревьев на стены: его закрыла метель.

Саша не может сдержать эмоций. Он подпрыгивает на стуле и восклицает:

— Я знал, что это правда! — и тут же одергивает себя:

— Ну, то есть, сейчас это не правда, это во сне. Но вообще это ведь правда?

Женщина по другую сторону стола кивает, и Саша выбрасывает вверх сжатые кулаки и выкрикивает, обращаясь ко всем скептическим лицам в его прошлом:

— Выкусите, козлы! — и тут же добавляет смущенно. — Простите. Вы что-то хотели сказать, наверное.

— Ничего, — отвечает ему женщина, и ее прежде суровые черты чуть-чуть смягчаются. — Мне приходилось наблюдать более бурные реакции. Твоя значит лишь то, что ты не забыл свои старые сны.

Саша кивает. Конечно же, он помнит. Как забыть то, что искорежило тебе жизнь?

— Вопрос в том, помнишь ли ты наши встречи.

Тогда ты помнишь, что мы уже встречались. Прямо здесь, во «Млечном пути».

Саша вновь чешет макушку. Заглядывает в архивы памяти, пытается разглядеть лежащие там размытые снимки — скопления форм и цветов без звукового сопровождения. Будто смотрит на мир без привычных очков.

И вот среди форм и цветов, мелькающих в памяти, словно слайды кинопроектора, возникает женщина, сидящая по другую сторону стола. Точно, он ее видел. Не только в этой кофейне: он помнит, как они гуляли по солнечному провинциальному городку и спускались к реке, несущей медленные воды куда-то на север.

— Можешь вспомнить, как меня зовут?

Он *почти* может. Ее имя мелькает у него на языке, словно пляшущее на ветру пламя. Саша неуверенно проговаривает части имени:

— Ара Аракава

Он косится в сторону прилавка, где облако пара уже полностью поглотило кофемашину и кассовый аппарат, и подбирается к сладости, упрятанной под стеклом.

Ох, жаль, думает Саша. Анеко говорила, что выпечка тут высший класс. Так, стоп.

— Анеко! — восклицает Саша. — Анеко Аракава.

И Анеко позволяет себе короткую гордую улыбку.

— Поздравляю, — говорит она. — Ты прошел первое испытание.

— Какое испытание.

— Ты доказал, что ты сновидец.

11

Саша проснулся в половину четвертого и понял, что больше не может спать. Он остановил плейлист для сна, игравший из телефона у изголовья кровати, и прошел на кухню, стараясь не дрожать от шагов по холодной плитке. Поставил на газ на чайник, в котором еще плескались остатки кипяченой воды, и сел смотреть в окно.

Вьюга снаружи уже прекратилась. Началась капель. Струйки воды бежали по стеклу, размывая редкие огни в многоэтажках напротив, и свечи уличных фонарей, и красные огни на

крышах домов, служившие знаком «Стоп» самолетам. Где-то за рядами прямоугольных фасадов автомобиль прошуршал по лужам.

Саша воспринимал все в качестве фонового шума: его мысли поглотил сон, от которого он проснулся пять минут назад.

Он помнил, как пар из кофемашины поглощал зал кофейни, и он помнил, как Анеко сказала: «У тебя есть редкий дар. Ты — сновидец».

И Саша ответил: «Круто! Погодите, а разве не все видят сны?».

Засвистел чайник. Саша вздрогнул и вскочил с табуретки, чтобы погасить огонь. Пока он заливал кипящую воду в чашку и макал в воду дешевый пакетик, его разум пытался воссоздать слова Анеко.

С чего она там начала? Что-то там про древних, которые верили, будто душа во время сна покидает тело и отправляется в путь по другим временам и реальностям. Но в реальности все было не совсем так, верно? Да, верно.

«Обычные люди видят только то, что уже есть у них в голове», сказала Анеко. «Сны обычных людей — это свалка из их собственных мыслей и впечатлений. Однако сновидцы видят другие сны».

Сновидцы, продолжала Анеко, уходят во снах в другие реальности. Сновидцы могут заходить в чужие сны. Сновидцы могут строить собственные сны.

И Саша, видимо, был одним из них.

12

— Получается, я как бы вроде как избранный? — спросил Саша, болтая ложкой в бесполезном кофе, стараясь не выдать охватившее его замешательство.

— Что-то вроде того, — неожиданно согласилась Анеко. — Человек не может стать сновидцем. Им можно только родиться. В принципе, это верно по отношению ко многим вещам.

Саша покачал головой, выражая согласие. Ему было, что возразить, но он не собирался спорить.

— Ииии, что вы мне можете предложить? — спросил он.

— У нас есть для тебя работа, — ответила Анеко. — В своих снах ты не просто так попадаешь в Новодремовск. Этот место притягивает сновидцев. Здесь начинается одна из троп, идущих через разные миры, и сюда стекаются пилигримы со всех окрестностей Москвы. Не все из них приходят с добрыми намерениями. Понимаешь, о чем я?

— Кажется, понимаю, — кивнул Саша и тут же хитро прищурился. — Вы ведь меня не хотите завербовать во взломщики?

— Что? — растерялась Анеко. — Нет.

Она покачала головой.

— Мне кажется, ты слишком много смотришь фильмы.

Саша опустил взгляд.

— А чем мне еще заняться, — сказал он. — В реальном мире у меня не так много дел.

Саша вздохнул.

— Я знаю, что вы мне предложите, — сказал он. — Я должен сразу сказать, что детектив из меня так себе. Я даже детские загадки не умею разгадывать. По-моему, я ни отгадал ни одну загадку в своей жизни.

— Это неважно, — ответила Анеко. — Следопыт у нас уже есть. Это я. Мне нужен напарник, который умеет создавать выдуманные миры. Мне нужен Художник.

12

Дальше детали терялись. Когда Саша пытался вспомнить последние минуты сна, они превращались в подобие засвеченных кадров пленки.

Все-таки экспозиция никогда не была сильной стороной Саши (в отличие от меня).

Задумавшись, он поболтал пакетиком в чашке. Вода внутри уже потемнела достаточно, чтобы сойти за чай, и Саша отпил горькую жидкость, которая по вкусу больше напоминала носки.

Какая же гадость, подумал он. Может, перейти на кофе?

Его словно ударило током, и Саша хлопнул по столу и воскликнул:

— Элементарно, Ватсон! Элементарно!

13

За пять минут Саша выбросил пакетик, вылил в мойку дешевый чай, набросил на себя первые вещи, попавшиеся в гардеробе, и выйти шестью этажами ниже на крыльцо, где остатки снега уже мешались с песочной грязью.

От его подъезда до ближайшего фастфуда нужно было идти пятнадцать минут. Саша не возражал. Ещё в студенческие годы, когда он еще жил с родителями, он любил отправиться вечером на прогулку. Ничего особенного: просто часовой променад по любимым улицам с крюком через районный парк и, может быть, визитом в кофейню. Хороший способ передумать мысли, которые в остальное время тонут в шуме повседневности.

Саша пробовал сохранить эту привычку, когда ему купили отдельную квартиру на южной окраине Москвы, однако быстро её забросил. Уж слишком его угнетали бесконечный лес из одинаковых фасадов новостроек, похожих на контейнеры в грузовом порту, и чересчур прямые улицы, запаркованные вусмерть легковушками, и тротуары без деревьев, по которым промозглый ветер гнал окурки и обрывки рекламных листовок.

Однако в ночь, когда он вышел, поглощенный сном, все было иначе. Может, дело было в самом сновидении — а может, на Сашу повлиял теплый ветер, который пах талой водой и мокрой землей.

Так или иначе, в ту ночь нависшие над ним темные стены, и пустые вестибюли подъездов, где лампы светили над пустыми ящиками с почтой, и витрины, закрытые решетками от вандалов, и далекие кольца автомобильной развязки впервые за годы сулили что-то, кроме дальнейшего прозябания. Он шел через пустые пространства, ждущие отпечатков человеческих ног, и кто-то внутри уже подсказывал ему, что вскоре он оставит эти места позади.

Он знал это, потому что во сне Анеко сказала ему: «Приезжай в Новотремовск. Нам нужен такой человек, как ты».

К тому моменту все вокруг уже окутал пар, и сквозь его пелену проступал лишь неясный силуэт окна, горящий фальшивым светом дня. Но Анеко это, кажется, ничуть не смущало.

Не спеша она достала из кармана пальто крохотный розовый листок с запиской от руки и положила его поверх тетради с рукописью Саши. Поначалу он не смог разобрать ни строчки: буквы растекались и разваливались на отдельные завитки.

То, что доктор прописал, подумал Саша и вопросительно взглянул на Анеко, которую уже окутывал пар.

«Незнакомые надписи во сне тяжело читать», кивнула Анеко. «Еще сложнее их запомнить. Настоящему сновидцу под силу и то, и другое».

Саша вновь опустил глаза. Он подвинул листок, чтобы еще раз прочитать заглавие на тетради: «Мы вернемся домой». Вновь взглянул на записку, и в этот раз все завитки сложились в буквы и в слова, а слова обрели смысл.

Осталось лишь вспомнить, что именно он прочитал.

14

Ресторан быстрого питания «Застава» стоял напротив путей легкого метро. Вывеска в форме округлой буквы W бросала золотистые отсветы на пустые в этот час рельсы. В те вечера, когда Саше становилось слишком одиноко, он приходил сюда, чтобы посмотреть на поезда, проезжающие за сетчатым забором, и послушать чужие разговоры.

Сейчас, подходя к зданию «Заставы», Саша через вытянутые окна мог разглядеть только пару работников в темно-зеленой униформе. По пустой парковке расплзались первые ручьи талой воды.

Лишь у окошка для автомобилей стояла потрепанная черная легковушка. Ее борт покрывал тонкий слой пыли и грязи. Саше показалось, что он видит через окно со стороны пассажира рыжие волосы. Водитель протянул ладонь за бумажным пакетом и автомобиль тронулся с места, прочь от «Заставы» и мыслей Саши.

Он потянул на себя массивную входную дверь и шагнул в зал, озаренный стерильным светом. «Застава» не могла похвастаться уютом «Млечного пути»: она больше походила на какой-то странный цех. Тесные прямоугольные столики, белоснежные терминалы самообслуживания, экраны с номерами заказов над стойкой выдачи — все здесь продумали так, чтобы посетители продвигались по невидимой конвейерной ленте и без задержек покидали зал.

Здесь никто не сядет играть в шахматы или читать книгу, подумал Саша.

И все же то был общепит, и в этом общепите подавали кофе — а большего Саше (как он на то надеялся) нужно не было.

Он заказал у кассира, сонного паренька с разукрашенном акне лицом, чашку эспрессо. Дождался, пока пухлая девушка со стеклянным взглядом принесет ему стаканчик, исходящий паром, и сел за любимый столик в углу, откуда сквозь окно можно было наблюдать за поездами метро и мельтешением машин на шоссе.

Саша уже надорвал пакетик с сахаром и занес его над чашкой, когда внутренний голос подсказал ему: «Не стоит».

Не будем портить чистоту эксперимента, согласился Саша.

Он отложил пакетик и потянулся пальцами обеих рук к стаканчику. Отдернул их. Вновь обхватил стаканчик, поднес его к губам и отставил. Выглянул в окно и увидел, как мимо проезжает фура с синим кузовом, украшенным логотипом в виде пятиконечной звезды со шлейфом. «Преврати грезы в реальность!», призывал рекламный слоган под звездой.

— Чего ты так боишься, — пробормотал Саша, и вдруг понял, что этот вопрос уже задавала Анеко.

И почему она это сказала, подумал Саша, и понял, что теперь настал момент взяться за кофе.

Он отпил прогорклый и перегретый напиток и закрыл глаза, и холодный свет ламп, бьющий ему в глаза, обернулся метелью внутри «Млечного пути». Он увидел, как Анеко следит за ним сквозь густеющую пелену своим вечно оценивающим взглядом, и услышал собственный голос.

15

— Я я даже не знаю, — сказал Саша, выслушав предложение Анеко.

— Почему? — спросила она. — Чего ты боишься?

— Бросить все в Москве и поехать неизвестно куда — проговорил неуверенно Саша. — Даже не знаю

— А что у тебя есть в Москве?

— У меня У меня работа Квартира — забормотал Саша, пряча взгляд. — У меня тут родные Рукопись, в конце концов

В стекло и раму окна ударил ветер. Форточка в верхнем углу распахнулась, и порыв вместе со снегом пронесся по комнате, раскрыв тетрадь.

Ее страницы были сплошь покрыты зачеркиваниями.

— Эй, это личное! — воскликнул Саша.

Он второпях захлопнул тетрадь и тут же сообразил, что уже поздно, и с самого начала было поздно. Саша отшвырнул тетрадь, и она исчезла за пеленой вьюги.

— Ну давайте! — обиженно выпалил он. — Выскажите мне за вранье. Думаете, мне самому не обидно? Думаете, я не пытался? Я каждый день Почти каждый день пытался

Он ждал, что Анеко смутится или возмутится его выпадом, но она, не меняя выражения, перешла к следующему вопросу:

— Почему же не вышло?

Саша пожал плечами, ежась на холоде.

— Над моими прошлыми сочинениями все только смеялись, — сказал он. — Почему новые должны вызвать другую реакцию?

— Тогда за что ты цепляешься? — спросила Анеко.

Ей пришлось повысить голос, чтобы перекрыть шипящий туман и вой вьюги, гуляющей по кофейне. Снег засыпал столешницу, заполнял чашки с кофе, путался в волосах Анеко и охлаждал проплешины Саши. Ложечки, уложенные на блюдечках, звякали от резких порывов ветра.

— Забудь все, что было в Москве, — не дожидаясь ответа, продолжила Анеко. — Забудь несбывшиеся надежды. Приезжай в Новодремовск. Стань тем, кем тебе суждено было стать. Двадцатое марта, двенадцать часов тридцать минут, Земский вокзал. Назови свое имя на третьей кассе, и тебе выдадут билет.

Бесплатно, запомнил Саша.

Ему показалось, что к вою вьюги примешивается незнакомый гул, похожий то ли на свист, то ли на гудок поезда. Снег колот Саше глаза и уши, но он сделал над собой последнее усилие и прокричал поверх гула последний вопрос, который вертелся у него в голове:

— Как я пойму, что все это мне не привиделось?

Анеко вновь улыбнулась своей улыбкой Мона Лизы и крикнула:

— Никак! Тебе придется поверить на слово!

И Саша открыл глаза.

16

Он стоял, облокотившись на перила заборчика, ограждающего выезд с парковки «Заставы». Он следил за тем, как в нескольких метрах от него состав метро проезжает на юг, к конечной и начальной станции, чтобы оттуда отправиться в первый рейс нового дня. Он смотрел, как алые созвездия сигнальных огней тускнеют на фоне бледнеющего неба.

И то ли был виноват гул из-под колес поезда, бьющий эхом по окрестностям «Заставы», то ли шорох талой воды, бегущей по ливневой трубе, то ли теплый ветер, несущий запахи скорой весны, но Саша уже чувствовал, как ток бежит по его рукам, и в суставах селится чувство нетерпеливого ожидания, и он уже знал, что скоро он отправится в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.